

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Храм Темного
предка

МОСКВА

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

-
В моей руке – гибель	Душа-потемки
Звезда на одну роль	Тот, кто придет за тобой
Венчание со страхом	Демоны без ангелов
Прощание с кошмаром	Валькирия в черном
Темный инстинкт	Когда боги закрывают глаза
Все оттенки черного	Девять воплощений кошки
Зеркало для невидимки	Яд-шоколад
Врата ночи	Невеста вечности
На randevу с тенью	Колесница времени
Улыбка химеры	Падший ангел за левым плечом
Готическая коллекция	Призрак Безымянного переулка
Ключ от миража	Пейзаж с чудовищем
29 отравленных принцев	Грехи и мифы Патриарших прудов
Флердоранж – аромат траура	Созвездие Хаоса
Молчание сфинкса	Часы, идущие назад
Родео для прекрасных дам	Светлый путь в никуда
Дамоклов меч над звездным тронном	Умру вместе с тобой
Рейтинг темного божества	Циклоп и нимфа
Прощай, Византия!	Последняя истина, последняя страсть
Сон над бездной	Перекресток трех дорог
Царство Флоры	Имеющий уши, да услышит
Предсказание – End	Великая иллюзия
Драконы ночи	Коридор затмений
Black & Red	Мойры сплели свои нити
Пир на закате солнца	Корень зла среди трав
Три богини судьбы	Храм Темного предка
ДНК неземной любви	Четыре крыла

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Храм Темного
предка

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Храм Темного предка / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-221853-8

Сама Судьба преподнесла Екатерине Петровской и Гектору Боршову незабываемый свадебный подарок — расследование дела пропавшей экспедиции... В 1931 году профессор Велиантов и его друзья обнаружили грандиозную находку в горах Тянь-Шаня. Понимая всю важность открытия для мировой науки и опасность, грозящую экспедиции в тех диких тогда местах, профессор отправляет разным адресатам отрывочные записи, фотографии и... самое главное «доказательство». Произошло то, что предвидел ученый, — экспедиция бесследно сгинула в горах.

Спустя почти сто лет загадочная смерть научного сотрудника Зоологического музея Елены Красновой и еще двух человек всколыхнула сведения о пропавшей экспедиции. Эти убийства расследуют полковник Гущин, Катя Петровская и Гектор Боршов. А чтобы найти преступника и обнаружить то самое бесценное сокровище, сокрытое от людей почти столетие, им нужно отправиться на Тянь-Шань...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221853-8

Если ночь в горах застала, разведи большой костер,
Вместо дров меня брось, и я сгорю в огне.

*Билал Назым*¹

¹ Б и л а л Н а з ы м (1824—1899) — выдающийся уйгурский поэт. (Здесь и далее перевод его стихов Мурата Хамраева.)

Глава 1

НЕДАЛЬНИЙ ВОСТОК. СИНЯЯ ПТИЦА

1931 г. Где-то на Тянь-Шане

— Дэв-хан, они уходят. Абдулла уводит своих людей, они говорят: после случившегося они не могут остаться. Их догадки темны и смутны. Они боятся тебя.

Дэв-хан проигнорировал слова помощника, своей правой руки и доверенного лица. Эмоции, эмоции... Его помощник взволнован и, кажется, тоже напуган. И не одобряет в душе его поступка. Дэв-хан неотрывно смотрел на Небесную гору. Отсюда на нее открывался прекрасный вид при любой погоде. За свои тридцать лет он не встречал зрелища более величественного и великолепного. Божественного! В вечернем воздухе разливалось некое невидимое, но остро осязаемое его обостренными чувствами волшебство — закатное солнце окрашивало пик совершенной формы в багрянец. На фоне остальных вершин Тянь-Шаня он напоминал царский рубин в драгоценной оправе.

В вечернем воздухе витали запахи хвои и крови.

Один из людей Дэв-хана наступил на труп китайца и поднял за косу его отрубленную голову. Показал трофей. Кровь пропитала чесучовую безрукавку китайца и надетый сверху ватник. Дэв-хан оторвался от созер-

пания горы, покосился на обезглавленное тело. Трупы убитых валялись на земле. Головы отсекали китайцам: пятерым кули-носильщикам, одетым в грязное тряпье, и проводнику — предателю в безрукавке из чесучи. Именно он вел экспедицию. Навьюченные скарбом лошади чужаков сбились в кучу и тревожно ржали, чуя запах мертвецов и крови. Люди Дэв-хана потрошили выюки, выкидывая на землю ящики с чучелами птиц, научное оборудование, продукты, консервы и носильные вещи. Труп их главного начальника обыскивала лично младшая сестра Дэв-хана — пятнадцатилетняя Айнур.

Айнур — Лунный свет...

Она родилась ночью по дороге из Синьцзяна в Пекин под луной и получила от родителей имя в ее честь. Дэв-хан любовался своей ловкой и бесстрашной сестрой. «*В бирюзовом чапане с солнечным лицом ты явилась, как цветок, что в зарю вплетен...*¹ — строки Бидала Назыма словно о ней написаны», — меланхолично думал он. Назыма почитал их отец, а они с сестрой с детства знали многие стихи великого поэта всех уйгуров наизусть.

На Айнура были голубой чапан (ватный халат, подпоясанный мужским кушаком), сапоги и шаровары; черные смоляные волосы она заплела в две тугие косы. Ее точеную головку украшала допа — расшитая шелком тибетейка, а за спиной через плечо болталась винтовка. Из нее она собственноручно застрелила их *главного*. Чужак даже не успел ничего понять, когда она внезапно появилась из зарослей арчи и, подобно газели, вскочила на валун у горной тропы, вскинула винтовку. Ее меткий выстрел выбил мозги из ученой головы чужака. А потом они застрелили всех остальных. Без всякой пощады.

¹ Бидал Назым.

Айну́р достала из кармана суконного пиджака их главного очки и блокнот. Пиджак чужак носил по-городскому, прямо на шерстяной свитер, несмотря на июльскую жару. Он был уже в летах. А записки его на русском языке...

— Все надо сжечь дотла, брат, — деловито, совсем по-взрослому заявила пятнадцатилетняя Айну́р — Лунный свет. — Трупы всех этих собак. Их вонючее барахло. Ящики, чучела птиц. Бумаги. Лошадей зарежем и тоже сожжем. От них вообще не должно ничего остаться — ни горстки пепла. Ведь экспедицию станут искать.

— Дым костра увидят из долины, — ответил сестре Дэв-хан.

— Решат — лесной пожар где-то в горах. Мы, уходя, подожжем окрестный кустарник, пепел потом развеем с гор, — ответила Айну́р и вырвала из рук одного из членов отряда теплые кальсоны и ботинки чужаков. — Не смей брать! Брось! Нам их тряпок не надо. Мы не воры и не грабители. Все предадим огню!

— Ты сама пламя, сестра, — заметил с восхищением Дэв-хан. — Благодарю тебя за меткий выстрел и за смелость. Хороша девчонка, а? — обернулся он к своему помощнику.

Тому перевалило далеко за сорок. Умный и осторожный, он пришел с Дэв-ханом с той стороны гор, из Китая. Он служил еще покойному отцу Дэв-хана. И знал некоторые тайны их рода.

— Хочешь ее в жены? — насмешливо спросил Дэв-хан помощника. — Я же не слепой.

— Шад¹, тебе ведомы мои чувства, ты всех видишь насквозь, — ответил тот, думая о поразительном сходстве брата и сестры — обоих небо наградило редкой

¹ Титул принца крови у тюркских народов.

красотой и умом, но поскупилось на доброту и милосердие.

Помощник часто называл его Шад — принц... И он не льстил Дэв-хану. Тот имел права на высокий титул по происхождению.

— Тогда оставайся верен мне. Не бери пример с глупца Абдуллы. Эй, Абдулла! — Дэв-хан окликнул вожака отряда местных басмачей, присоединившихся к ним месяц назад из корысти, за деньги, а теперь позорно и трусливо бежавших прочь, когда дело дошло до главного. — Доброй дороги, друг! Не споткнись! Крепко держись в седле!

— Мне говорили умные люди: не связывайся с идолопоклонником даже за мзду, — ответил бородатый Абдулла-басмач в ватном халате. — Что ты натворил? Ученых начнут искать. Я рискнул головой сторонников — все ради тебя, идолопоклонника! А ты сам — чужак в здешних местах. Правоверному мусульманину не по пути с тобой, Дэв-хан. Ты из Нижнего мира, шайтан — верны слухи о тебе! Ученые, которых ты прикончил, наблюдали за птицами — только и всего. Блаженные люди... Во многих кишлаках мои земляки их встречали гостеприимно. Они расспрашивали моих земляков о Синей птице, замеченной в горах. Они искали только ее. Птицу!

— Нашли. Здесь. На свою беду. — Дэв-хан указал на ящик с выброшенным из него на землю чучелом птицы, похожей на дрозда. В закатных лучах солнца ее перья сверкали словно сапфир — синим, небесным цветом...

Бородатый Абдулла-басмач махнул рукой — что с тобой говорить? Дэв-хан наблюдал, как его отряд садится на коней и уезжает.

— Абдулла, они все мертвы! — крикнул он вдогонку. — Никто из них ничего не расскажет, я заткнул им рты кровью и камнями! Гляди в оба, пусть твои люди

не проболтаются! А то я доберусь и до вас. Ученый из Москвы, его помощник и фотограф — они отныне падаль, корм для грифов и волков... Пес-фотограф сдох. Собаки-кули китайские и проводник-шакал... Они — прах!

— Не все! — Абдулла обернулся, остановил коня. — Мальчишка сбежал, младший брат фотографа!

— Он ушел еще позавчера утром, — ответил Дэвхан. — Его отослали домой с поклажей. Он не знает о случившемся с остальными. И он — глухонемой! Я не воюю с калеками. Мальчишка не поднимался сюда в горы, и он не сможет ничего никому рассказать, ведь Небо лишило его языка!

Абдулла ему не ответил. Когда отряд басмачей скрылся из виду, помощник снова обратился к Дэвхану:

— Шад, Абдулла и его люди не поняли, к счастью, почему некие места в горах — запретная территория. И ты приносишь жертвы, ограждая ее от посторонних. Но они начнут распускать нелепые и зловещие слухи.

— Для них Небесная гора просто вершина в снегах, — ответил Дэвхан. — Но не мне же объяснять тебе — что, почему и как. Для чего я иду на жертвы и убийства в общем-то невинных людей. Ученых.

— Ты сам все осознаешь, Шад. И мое сердце рвется в печали и тревоге за тебя. Ты не Абдулла, он из простых, родился в кишлаке. А ты учился в Бэйда — Пекинском университете, — слушал лекции по философии, много путешествовал. Но ты сейчас расстрелял целую экспедицию: двух русских ученых и местного фотографа, носильщиков, проводника, разыскивающих Синюю птицу. На юге ее полно, но в здешних горах, говорят, она великая редкость. Если все откроется, тебя обвинят в варварстве и жестокости. Ладно, пусть с китайцами у нас свои давние счеты — твоего

отца подло убили и обезглавили в Запретном городе, хотя он служил маленькому императору и регенту верой и правдой...

Помощник бросил взгляд на обезглавленные трупы китайских кули и проводника, на остальные тела. Всех убитых люди Дэв-хана начали обкладывать хворостом и валежником, готовя огромный костер. Пятнадцатилетняя Айнур командовала ими.

— Мы не варвары, — со страстью ответил Дэвхан. — И мы не продажные бандиты, подобно Абдулле и его швали. Мы чужие? Наверное, да. Наша земля за синими горами. Но наш рассеянный народ живет и здесь. Мы — скитальцы... Так уж вышло, что великая тайна... бесценное сокровище моего рода скрыто по эту сторону гор. Веками наш род хранил ее. Разве не является запретным для досужих чужаков место моего предка? Стража Небесной горы? О, Великий, Темный... Только Тебе я служу и поклоняюсь! Отдам свою жизнь и всю свою кровь до последней капли за Тебя, мой Бесценный, без которого не было бы ни моих предков, ни меня, ни сестры, ни наших потомков...

Помощник сразу опустил глаза. Умолк. Когда Шад — его принц и хозяин — *«ставил на свой личный граммофон подобную заезженную пластинку»*, с ним было бесполезно спорить, что-то доказывать или возражать. Так его воспитали с детства. Они с сестрой с молоком матери всосали все это. Он фанатик? В какой-то степени — да. В самом крайнем своем проявлении, когда дело касается Небесной горы и тайны их рода скитальцев, потомков уйгурских принцев из Синьцзяна и Желтых уйгур, издревле почитающих Великого Темного предка.

Помощник представил Дэв-хана в Бэйда — Пекинском университете: этакий лохотенный европеизированный молодой человек с идеальным пробором, в визит-

ке, брюках в полоску и лакированных туфлях. Со своими наложницами на вечеринках он танцевал танго и новомодный чарльстон. И сравнил его с Дэв-ханом нынешней ипостаси — в грязном чапане, подбитом ватой, с «маузером», заткнутым за кушак, и винтовкой за спиной. Бедность и небрежность походной одежды лишь подчеркивали его мужскую статью. Кровь древнего рода наградила его красотой, но вместе с ней вселила в его просвещенную, жаждавшую знаний душу некое странное безумие, не поддающееся рациональному объяснению.

Ведь он и правда верит в то, о чем говорит с таким пафосом. Ради чего убивает столь жестоко и страшно.

Но это лишь сказка, темная, жуткая легенда!

Или все же правда?

— Никто больше не должен узнать о том месте, — твердо заявил Дэв-хан. — Никто. Никогда. И все останутся живы.

— А глухонемой братишка фотографа? — осторожно спросил помощник.

Дэв-хан лишь глянул на него. И отвернулся к Небесной горе.

На ее склоны идеальной пирамидальной формы уже наплывали клочья густого тумана. Но заходящее солнце освещало самый пик — словно утес облили свежей жертвенной кровью. И он смаковал ее соленый вкус...

Лучи солнца погасли.

И все окутало тьмой.

Помощник вспомнил байки старого шамана, накурившегося травы-дурмана, колдуна из дальних степей, где обитают желтые уйгуры. Мол, именно в сумеречный пограничный час ОН, ТОТ, КТО ХРАНИТ НЕБЕСНУЮ ГОРУ, и выходит из тайного логова на свою лютую охоту.

Глава 2

НЕЗНАКОМЕЦ

Наши дни

— Они оба в его крови. Взгляните на них. Какие еще доказательства их вины в убийстве вам нужны?

К полковнику Гущину пафосно обращался начальник местного полицейского управления. Стояла тихая теплая сентябрьская ночь. Пялилась луна — небесный фонарь. Другое освещение на старой бетонке, соединявшей подмосковные Липки с железнодорожной станцией Воробьевка, напрочь отсутствовало. Полицейским пришлось включить фары патрульных машин на месте происшествия. Причудливые тени метались вокруг — появлялись внезапно, множились, словно угрожая, и расточались в дым.

На обочине бетонки приткнулась старая ржавая «Лада». Возле нее в пыли лежал окровавленный труп.

Полковник Гущин никогда прежде не бывал в Липках. Место недалеко от Москвы, но суцая глухомань — заброшенные песчаные карьеры, маленькая станция, вокруг лишь закрытые склады и две грандиозные стройки новых жилищных комплексов в чистом поле. Дальние огни прожекторов и башенных кранов во тьме.

— Их застукали прямо на месте убийства, — продолжал местный начальник полиции. — Хорошо, я распорядился маршрут ночного патрулирования изменить и включить бетонку. А то бы тело до утра пролежало. Здесь вообще мало кто сейчас ездит из-за новой развязки с федерального шоссе к стройкам.

Полковник Гущин молча созерцал труп, возле которого хлопотали два местных криминалиста-эксперта. Гущин вечером возвращался из Наро-Фоминска